

КАМЕНЦЕВА ВЕРОНИКА МИХАЙЛОВНА

Магистрантка факультета истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге
vkaquenceva@eu.spb.ru

«Присяги правительствам» в Смутное время

Смутное время – это период резкого изменения традиционных институтов. В данной статье Смута рассматривается как прецедент глубокого системного кризиса, охватывающего все сферы жизни. В это время присяга не просто ритуал, повторяющийся раз в несколько десятилетий при смене государя. В Смутное время этот институт обрастает множеством дополнительных функций. В условиях постоянной смены власти присяга является эффективным средством интеграции в новые жизненные реалии. Она становится одним из инструментов, с помощью которых власть пытается обосновать свою легитимность. Это двусторонний процесс, поскольку присяга как текст призвана максимально убедительно легитимировать власть правителя, а присяга как акт служит фактическим подтверждением истинности и законности такой власти, что может являться важным аргументом в последующей борьбе за власть. Какие социальные функции выполняет присяга в Смуту? Рассмотрев тексты крестоцеловальных записей, можно сделать вывод о том, что в акте крестоцелования сталкиваются интересы двух сторон: власть хочет доказать свою легитимность, приобрести как можно больше сторонников и предотвратить их измену, то есть переход на сторону конкурента в борьбе за власть; народ же пытается защитить себя и свое имущество, при этом стараясь извлечь материальную выгоду. Таким образом, в Смуту во время разрушения устоявшихся институтов присяга во многом становится не только подтверждением, но и источником власти.

Ключевые слова: власть; крестоцелование; кризис; легитимность; присяга; Смута; XVII век.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / LIST OF ABBREVIATIONS

- АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841
- ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846
- РИО – Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1913
- СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Часть вторая, служащая дополнением к первой. М., 1819
- RA, NOA – Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ / FOR CITATION

Каменцева В. М. «Присяги правительствам» в Смутное время // Vox medii aevi. 2019. Vol. 1(4). С. 15–48. URL: <http://voxmediiavei.com/2019-1-kamentseva>

VERONIKA KAMENTSEVA

Master Student of the Faculty of History, European University at Saint Petersburg
vkamenceva@eu.spb.ru

“Oaths to Governments” in the Time of Troubles

The Time of Troubles is a period of dramatic change in traditional institutions. In this article, the Time of Troubles is considered as a precedent of a deep systemic crisis, encompassing all spheres of life. At this time, the oath is not just a ritual, repeated every few decades with the change of the sovereign. In the Time of Troubles, the institution of the oath is overgrown with many additional functions. In the conditions of constant change of authority, the oath is an effective means of integration into new life realities. The oath becomes one of the tools by which the authorities try to justify their legitimacy. This is a bilateral process because the oath as a text tries to legitimise the authority of the ruler as convincingly as possible, while the oath as an act serves as an actual confirmation of the truth and legitimacy of this authority, which can be an important argument in the subsequent power struggle. What social functions does the oath carry out in the Time of Troubles? Having examined the texts of the oaths of allegiance, one can infer that the interests of the two sides differ: the authorities want to prove their legitimacy, to acquire more supporters and to prevent their betrayal, namely to keep them from switching to the rival's side when struggling for authority; common people, on the other hand, are trying to protect themselves and their property and, at the same time, to get material benefits. Thus, in the Time of Troubles during the destruction of established institutions, the oath is in many ways not only a confirmation but also a source of authority.

Key words: Authority; Crisis; Legitimacy; Oath of Allegiance; Time of Troubles; 17th century.

«Присяги правительствам» в Смутное время

Смута начала XVII века в Московском государстве — это время постоянных перемен. Привычный уклад жизни резко меняется, многие устоявшиеся модели поведения исчезают, на их месте стихийно возникают новые. Социальное устройство общества приходит в движение, появляется множество новых социальных лифтов, резко повышается мобильность населения. В условиях постоянной смены власти присяга становится одним из возможных средств интеграции в новые жизненные реалии.

Закономерно, что и само понятие присяги, равно как и понятия государственной верности и измены, в этот период поменяло свое значение. Теперь присяга не просто ритуал, повторяющийся раз в несколько десятилетий при смене государя: в Смутное время институт присяги обрывает множество дополнительных функций. Присяга в Смуту может быть как социальным капиталом¹, так и эффективным средством манипуляции.

В данной работе Смутное время рассматривается как прецедент глубокого системного кризиса, охватывающего все сферы жизни. Именно в моменты кризиса наиболее остро проявляются процессы, которые были скрыты ранее, обнажаются социальные связи. В связи с этим период Смутного времени следует рассматривать в его историко-антропологическом аспекте, а не просто как совокупность событий политической

1. Термин «социальный капитал» употребляется не в значении, введенном П. Бурдьё (как совокупность ресурсов, связанных с принадлежностью к группе и вовлечению в устойчивую сеть социальных связей), а в значении, введенном Дж. Коулманом — как общественное благо, которое производится рациональным и свободным индивидом с целью последующего извлечения выгоды (Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. №3. С. 122–139).

истории. Это позволит представить данный период как цепь тесно связанных между собой кризисных явлений, на фоне которых становятся очевидны изменения, происходящие в обществе.

Неотъемлемая составляющая Смутного времени — это политический кризис. Государственная власть стремительно теряет легитимность и, ощущая ее недостаток, всеми силами стремится компенсировать эту потерю. Присяга становится одним из инструментов, с помощью которых власть пытается обосновать свою легитимность. Этот процесс можно рассматривать с двух сторон — присяга как текст призвана максимально убедительно легитимизировать власть правителя, а присяга как акт служит фактическим подтверждением истинности и законности такой власти, что становится важным аргументом в последующей борьбе за власть.

В центре внимания статьи вопрос, какие социальные функции выполняет институт присяги в период Смуты. Из него следует несколько более узких проблем: начинает ли присяга быть инструментом для получения социального капитала или личной выгоды; каким образом власть пытается использовать присягу? Задача исследования — изучение Смутного времени как примера системного кризиса, проникшего во все сферы жизни. Однако, так как присяга является политическим институтом и ее эволюция тесно связана с изменениями в политической жизни общества начала XVII в., то рассматривать ее необходимо в контексте этих социально-политических изменений.

Представляется важным рассмотреть период Смуты не только «сверху», как предлагает политическая история, но и «снизу», фокусируясь на социальных стратегиях отдельных людей или небольших групп. Акт крестоцелования можно понимать как ритуальное действие, к которому люди прибегают в условиях затяжного кризиса с целью получения для себя какой-либо выгоды. Вместе с тем, присягу можно воспринимать и как акт власти. Для изучения этих аспектов используется *институци-*

ональный подход — присяга рассматривается как сложившийся общественный институт, действующий по своим правилам и выполняющий строго определенные функции.

Следует обратить внимание на особенности основных источников работы — крестоцеловальных записей начала XVII в. Д. А. Савченко отмечает, что тексты крестоцеловальных записей отражают многие характерные черты политической, идеологической, религиозной и юридической жизни страны². Почему же именно этот тип источников приобрел такое значение в период Смутного времени? Всеобщая присяга закрепляла признание царя подданными. Эта процедура была призвана гарантировать устойчивость власти и укрепить ее легитимность. Именно в Смуту после пресечения династии Рюриковичей такой инструмент легитимности стал особенно актуален.

Претенденты на царский престол в Смутное время часто не могли апеллировать к тому, что их власть легитимно унаследована от царствовавших предшественников, что усилило значение других аргументов в борьбе за власть, прежде всего религиозного. Избрание царя трактовалось как Божье волеизъявление. Таким образом, присяга носила характер религиозной клятвы, нарушение которой каралось Божьим возмездием. Такую религиозную клятву приносили как христиане, так и представители других религий. Для православных присяга закреплялась публичным целованием креста в соборной церкви; татары, как и многие другие ясачные люди, приносили клятву на Коране — «шерть». Шертные грамоты прибавлялись к крестоцеловальным с припиской, указывающей приводить к присяге татар и подчиненные Москве сибирские народы. Содержание крестоцеловальных грамот определялось перед первым крестоцелованием в Москве, затем в текст могли вноситься некоторые коррективы; после этого новый текст грамот рассылался по регионам в качестве приложения к грамоте о восшествии царя на престол. Крестоцеловальные записи XVII в., как отмечал Г. Г. Тельберг, «в противоположность

2. Савченко Д. А. «Государю хотети добра во всем»: присяга подданных московскому царю (начало XVII в.) // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 8. С. 941.

записям предшествующего века, представляют собой не индивидуальное обещание верности, а общую формулу верноподданнической присяги»³.

В наиболее общем виде структура крестоцеловальных грамот была следующей. В начале грамоты перечислялись «традиционные обязательства»⁴: верно служить государю и его наследникам, не покидать своей страны и не служить другим правителям, не изменять и сообщать об известных случаях измены. После этого следовала санкционная часть — «формулы проклятия», часто она начиналась после формулы «а не учну аз...». Обычно в ней говорилось, что в случае нарушения клятвы человек лишается благословения церкви. Д. И. Антонов отмечает, что часто текст крестоцеловальных грамот дополняли «приписки», в которых подробно расписывались обязанности служилых людей, поэтому недобросовестная служба, злоупотребление своим положением, случаи воровства также оказывались прямым нарушением крестоцеловальной записи, то есть клятвopеступлением⁵. Однако текст крестоцеловальных грамот мог достаточно широко варьироваться, поэтому перейдем к рассмотрению частных случаев.

Присяга Федору Борисовичу и Лжедмитрию I. Попытки легитимации власти

Рассмотрение сюжетов крестоцелования правителям представляется целесообразным начать с вступления на престол Федора Борисовича Годунова (13 апреля — 1 июня 1605 г.). 13 апреля 1605 г. умирает Борис Годунов. Слухи о приближении самозванца распространяются в столице. Северские города добровольно принесли присягу Лжедмитрию⁶. Именно в таких условиях происходил переход власти к пятнадцатилетнему царевичу Федору. Юный возраст будущего царя и общая нестабильная ситуация в стране остро ставили вопрос о необходи-

3. Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912. С. 71.

4. Антонов Д. И. Смута в культуре средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М., 2009. С. 190.

5. Там же.

6. Козляков В. Н. Смута в России. XVII век. М., 2007. С. 92.

мости дополнительной легитимации власти. Источники слабо освещают это событие; основываясь на данных разрядных книг, Р. Г. Скрынников⁷, а за ним и В. Н. Козляков⁸ выдвинули гипотезу, что для избрания Федора был проведен Земский собор. Однако этот собор, в связи со скоропостижной кончиной Бориса Годунова, не был так же хорошо подготовлен, как собор 1598 г. В. И. Ульяновский указывает на особенности периода правления династии Годуновых, которые приводили к нестабильности власти последних: избрание на царство (которое по примеру новгородской традиции предполагает и изгнание правителя), избрание не «всей землей», а узким кругом аристократии («кланово-московское»), низкое происхождение Бориса Годунова, непопулярность среди казачества⁹. Власть Бориса Годунова держалась исключительно на его личности, она не опиралась на традиционную династическую идею. Поэтому, несмотря на усилия Бориса (он пытался «приучать» бояр к мысли о сыне-наследнике), легитимность династии Годуновых исчезла со смертью ее основателя. Как отмечает В. И. Ульяновский, «власть Годуновых, полученная из рук людских (не Божьих — как у Рюриковичей), этими же руками и была ликвидирована»¹⁰. Идея династии предполагала сакрализацию традицией и древностью, без этого никакие внешние атрибуты не могли придать характера богоизбранности.

Сразу после наречения Федора Борисовича царским титулом ему была принесена присяга. Как отмечает В. Н. Козляков, ее организаторы отступили от привычного ритуала. Члены Земского собора вместо того, чтобы утвердить рукоприкладством избрание нового царя, принесли ему присягу на верность¹¹. Это же отмечается в известительной грамоте митрополита ростовского и ярославского Кирилла о трехдневном молебне за царя Федора и царскую семью¹². Упоминания об этом событии также содержатся и в окружной грамоте Марии Григорьевны и Федора Борисовича к воеводам сибирских городов¹³. Возможно, рукоприкладство было заменено на кре-

7. Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 239.

8. Козляков В. Н. Ук. соч. С. 106.

9. Ульяновский В. И. Смутное время. М., 2006. С. 11.

10. Там же.

11. Козляков В. Н. Ук. соч. С. 108.

12. АИ. №32. С. 86–89.

13. СГГид. ч. 2. №83. С. 187–188.

стоцелование в целях дополнительной легитимации власти царевича Федора. Боярам требовалось подчеркнуть свою верность новому царю.

Рассмотрим обычный текст присяги царице Марии Григорьевне и царю Федору Борисовичу, который был разослан по городам 1 мая 1605 г.¹⁴ Этот текст был составлен по образцу присяги Борису Годунову¹⁵. Именно в крестоцеловании последнему впервые делается акцент на «волошество», «ведовские мечтания», применение к царю и его семье «зелья лихого и коренья» как на главные государственные преступления. В присяге царю Федору предостережениям от колдовства также уделяется много внимания. В крестоцеловальной грамоте как Борису, так и Федору упоминается о возможных притязаниях на престол Симеона Бекбулатовича, посаженного на царское место Иваном IV. Однако в присяге Федору появляется и новый элемент. С подданных брали клятву

к вору, который называется князем Дмитрием Углецким, не приставати, и с ним и с его советники ни с кем не ссылатись ни на какое лихо, не изменить, и не отъехавши, ... и того вора, что называется князем Дмитрием Углецким, на Московском Государстве видети не хотети.

Несмотря на то, что текст был подготовлен и разослан, присяга царице Марии Григорьевне и царю Федору царского войска, стоявшего под Кромами, так и не состоялась. Приехавшего для проведения крестоцелования новгородского архиепископа Исидора отправили обратно в столицу. Часть армии принесла присягу новому царю, а часть отказалась. Перешли на сторону Лжедмитрия ближайшие соратники Бориса Годунова — князя Василий Васильевич и Иван Васильевич Голицыны, воевода Петр Федорович Басманов, которые увлекли за собой многих бояр¹⁶. В полках начала проводиться тайная присяга Лжедмитрию I¹⁷. Боярская дума оказалась расколота, ее члены служили разным правителям; следовательно, Федор Борисович оказался в шатком положении без крепкой опоры на боярство.

14. СГГид. Ч. 2. №85. С. 191–194.

15. АИ. Т. 2. №10. С. 57–61.

16. Козляков В. Н. Ук. соч. С. 114.

17. Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 330.

1 июня 1605 г. Гаврила Григорьевич Пушкин и Наум Михайлович Плещеев привезли в столицу «смутную грамоту» самозванного царевича Дмитрия¹⁸. В этой грамоте к русскому народу обращается не Григорий Отрепьев, а истинный царевич Дмитрий. Адресатами этого документа выступают князь Федор Иванович Мстиславский, князя Дмитрий Иванович и Василий Иванович Шуйские, а вместе с ними и все остальные жители — бояре, дворяне, стольники, приказные люди, дьяки и т. д. Стоит отметить, что Лжедмитрий I не упоминает церковь, не обращается к патриарху Иову, так как чувствует, что не сможет заручиться поддержкой церкви в его лице.

Главным доводом Лжедмитрия является апелляция к присяге Ивану IV. Он не ставит в вину народу присягу Борису Годунову: «целовали крест изменнику нашему Борису Годунову, не ведаючи его злокозненного нрава»¹⁹ и боясь тех беззаконий и казней, которые Борис Годунов творил при Федоре Ивановиче. Лжедмитрий подчеркивает, что «города нашего государства да нашему Царскому Величеству доби́ли челом и противо нас не стояли, и крест целовали, помня свои души и крестное целование», перечисляет воевод, поддерживающих его, апеллирует к поддержке Ногайской орды, то есть разными способами обосновывает свои притязания на престол, демонстрирует широкую поддержку своей кандидатуры. Главным тезисом Лжедмитрия является идея преемственности его власти от «отца», Ивана IV. Люди, целовавшие перед Богом крест Ивану IV, просто обязаны присягнуть его сыну, ведь они целовали крест в верности Ивану IV и его семье, в противном случае «и от Божия праведного гнева, и от нашея царская рука нигде не избыти». Тем самым Лжедмитрий наделяет себя правом вершить высшее правосудие. Так как он позиционирует себя как истинного царя, обладающего божественной властью, а также берет на себя обязанности по наказанию клятвопреступников. Однако Лжедмитрий обещает никому не мстить

18. АИ. Т. 2 №34 С. 89–91.

См.: Козляков В. Н. Ук. соч. С. 118–121.

19. АИ. Т. 2 №34 С. 89–91.

за участие в походах против него: «на вам нашего гнев и опалы не держим, потому что есте учинили неведомостию и бояся казни»²⁰. Это указание было призвано увеличить число лояльных к Лжедмитрию людей.

20. АИ. Т. 2. №34 С. 89–91.

11 июля 1605 г. были разосланы окружные грамоты о приведении к кресту жителей всех городов. Рассмотрим пример такой грамоты, посланной в Сольвычегодск²¹. Текст грамоты составлен по образцу крестоцелований предыдущим правителям. Присутствует запрет измены с перечислением стран, в чье подданство нельзя переходить, и запрет применения «зелья лихого». Присяга приносится царю Дмитрию Ивановичу и его матери, царице-инокине Марфе Федоровне. Текст снова апеллирует к присяге Ивану IV, несколько раз подчеркивается их родство с новым правителем; документ, естественно, опускает то обстоятельство, что Мария Нагая — это седьмая жена Ивана Грозного, и что ни она, ни ее дети не могут иметь никакого права на престол. Представляет интерес упоминание о прежнем правителе и его семье: «и с изменники их, с Федкою Борисовым сыном Годуновым, и с его матерью, и с их родством, и с советники, не ссылатися писмом и никакими мерами». В этих строках о Годуновых говорится так, как будто они еще живы. Возможно, что Лжедмитрию к моменту написания грамоты еще не донесли об их смерти. К тому же, возможно, Лжедмитрий стремился обезопасить себя от самозванцев — «воскресших» «Федоров Борисовичей».

21. АИ. Т. 2. №38. С. 93–95.

В целом, как можно отметить, Лжедмитрий I всеми силами старался легитимировать свою власть. Текст грамоты своей «шаблонностью» и наличием обязательных элементов прежних грамот подчеркивает преемственность прежним правителям; специально обращается внимание на то, что новый царь Дмитрий Иванович — прямой наследник Ивана IV, то есть «истинный», единственный возможный законный правитель.

Противостояние Василия Шуйского и самозванных царей

Избрание Василия Ивановича Шуйского (1606–1610) на царство и присяга ему радикально нарушает сложившиеся каноны. Это во многом вызвано атмосферой Смутного времени — за год сменился уже третий царь. В связи с этим Василию Шуйскому остро требовалось подчеркнуть свою легитимность, доказать всей стране, что он и есть единственный истинный государь. Однако в условиях московского восстания у него не было возможности и времени собрать полноценный земский собор. Василий Шуйский был «выкрикнут» группой своих сторонников и 19 мая 1606 г. наречен на царство, а 20 мая по всем городам были отправлены окружные грамоты о его восшествии на престол с двумя приложенными к ним крестоцеловальными записями²².

22. АИ. Т. 2. №44. С. 100–103.

В чем особенность этих грамот? Практически весь текст первой грамоты²³ призван обосновать претензии Василия Шуйского на престол и легитимировать его власть.

23. Там же. С. 100–101.

Во-первых, в начале грамоты ее составитель стремится всеми силами очернить Лжедмитрия I для того, чтобы обосновать смену власти. Указывается, что он хотел сменить христианскую веру на «латинскую»²⁴. В этих строках подчеркивается, что Гришка Отрепьев совершил богопротивное деяние и поэтому принял от Бога наказание — смерть. Роль Василия Шуйского в событиях никак не освещается. Много внимания уделяется роли Польши и особенно тестю Лжедмитрия, сандомирскому воеводе Юрию Мнишеку. Текст грамоты обвиняет Лжедмитрия I в намерении обратить все Московское государство в католичество и заставить народ присягнуть Сигизмунду III.

24. Там же. С. 100.

Во-вторых, подробно описывается несостоявшийся Земский собор — скрупулезно перечисляются разные категории населения от самых знатных до простых людей, которые съехались со всей страны «выбирать» нового царя. Тем самым Василий Шуйский легитимирует свою власть, моделирует ситуацию «всенародного» избрания.

В-третьих, Василий Шуйский позиционирует себя как потомка Рюрика, который держит свой род «иже б от Римского Кесаря», считает своими прямыми предками Александра Невского и Василия I, то есть выстраивает прямую линию преемственности власти. Таким образом, Василий Шуйский видит в основе легитимности своей власти два фактора: всенародное избрание и происхождение от Рюриковичей.

Составитель грамоты отдельно акцентирует внимание на охрании «истинной» христианской веры. Василий Шуйский постоянно подчеркивает, что его главная цель — это сохранить православную веру, «чтобы церкви Божие впред стояли неподвижно и истинная православная христианская вера была нерушима»²⁵. Тем самым новый царь выступает защитником церкви, а значит, и защитником Бога. Василий Шуйский напоминает, что царь — наместник Бога на земле, а значит, должен выражать его интересы.

25. АИ. Т. 2. №44. С. 101.

Обратимся ко второй грамоте. Она поистине уникальна, потому что представляет собой крестоцелование царя народу: «есми яз Царь и Великий Князь Василий Иванович всеа Русии целовати крест»²⁶. Василий Шуйский как новый царь берет на себя определенные обязательства и скрепляет их крестоцеловальной клятвой. Он обещает не выносить приговоров без обсуждения с боярами и отменяет ответственность семьи за преступление, совершенное одним человеком. Василий Шуйский клянется быть справедливым правителем: «судити истинным праведным судом, и без вины ни на кого опалы своей не класти»²⁷.

26. Там же. С. 102.

27. Там же.

Можно отметить и отсылку к царствованию Бориса Годунова. Василий Шуйский обещает бороться с доносом, «чтоб в том православное христианство безвинно не гибли»²⁸. При Борисе Годунове практика «доводов» была очень распространена — она использовалась как инструмент в борьбе со старыми боярскими родами. Шуйские, которые постоянно претендовали на власть, при Борисе Годунове подверглись значительным репрессиям. За ложные доносы Василий Шуйский обещает суровое наказание²⁹.

28. Там же.

29. Там же.

Рассмотрим образцовый текст присяги Василию Шуйскому. Крестоцеловальная запись очень похожа на аналогичные тексты, составленные при предшественниках Василия. Однако стоит отметить, что у Василия Шуйского не было ни царствующей сестры, как у Бориса Годунова, ни царствующей матери, как у Федора Борисовича и царевича Дмитрия. К тому же он не был женат, и у него не было детей. Однако традиции присягать одному лишь царю в Московском государстве не существовала — как и во времена предшественников Шуйского, подданные дают клятву верности также его несуществующим царице и детям.

Остальные элементы достаточно типичны. Во-первых, это обещание не иметь никаких преступных мыслей по отношению к царю: «а лиха мне государю своему ... никакого не хотети»³⁰. Во-вторых, присягающий клялся не изменять царю, служить верно и «ни в которое государство не отъехать и не изменить ему Государю ни в чем». Можно заметить, что нет списка государств, в которые нельзя отъезжать, хотя такой уточненный список был, например, в тексте присяги Федору Борисовичу³¹. В. Н. Козляков предполагает, что краткость этой записи была обусловлена спешкой, в которой происходило избрание нового царя³².

Присяга Василию Шуйскому на местах проходила не всегда гладко: часто чиновников, посланных для принятия присяги, не слушали, отсылали обратно в столицу, а иногда даже физически расправлялись с ними. В разрядных книгах повествуется об отказе от присяги Василию Шуйскому:

и в Польских, и в Украинских, и в Северских городех люди смутились и заворовали, креста царю Василью не целовали, воевод почали и ратных людей побивать и животы их грабить, и затеели будто тот вор Рострига с Москвы ушел, а в его место будто убит иной человек³³.

Основными центрами сопротивления Василию Шуйскому стали Елец и Путивль. Царь даже послал в Елец грамоты от имени патриарха, «освященного собора» и «всей земли Московского

30. АИ. Т. 2. №44. С. 102.

31. СГГД. Ч. 2. №85. С. 191–194.

32. Козляков В. Н. Ук. соч. С. 188.

33. Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 8.

государства» в надежде призвать ельчан к верности³⁴. Однако слухи о лживом земском соборе быстро распространились по стране, и подобным грамотам никто не верил.

В условиях Смуты присяга Василию Шуйскому несла угрозу для жизни. Отряды противников царя Василия, например Ивана Болотникова, чинили тяжкие расправы над своими оппонентами. «Карамзинский хронограф» описывает некоторые подобные эпизоды:

а Третьяка Кашкарова и дьяка Афанасья Карпова убили за то, что оне их приводили за царя Василия к крестному целованию³⁵

или

тамошние люди ... всяких людей побивали разными смертями, бросали с башен, а иных за ноги вешали и к городовым стенам распинали и многими разноличными смертями казнили и прожиточных людей грабили, а ково побивали и грабили и тех называли изменники, а оне будто стоят за царя Дмитрея³⁶.

Имя царя Дмитрия стало символом социального протеста против боярского произвола. Однако не все были готовы присягать Дмитрию, поверив одним лишь слухам, ведь самого царя никто не видел. Присяга царевичу стала главной идеей восстания, участники которого добивались ее воплощения путем расправ, грабежей и массовых убийств.

К сожалению, тексты грамот сторонников Болотникова дошли до нас только в пересказах, например в изложении патриарха Гермогена. Он пишет:

А стоят те воры под Москвою, в Коломенском, и пишут к Москве проклятые свои листы, и велят боярским холопом побивати своих бояр, и жены их и вотчины и поместья им сулят, и шпыням и безьянником вором велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити, и призывают их воров к себе и хотят им давати боярство, и воеводство, и окольничество, и дьячество³⁷.

Таким образом, можно выдвинуть предположение, что люди переходили под знамена Болотникова не столько из-за идей-

34. Козляков В. Н. Ук. соч. С. 196.

35. Попов А. Ук. соч. С. 330.

36. Там же. С. 331.

37. АИ. Т. 2. №57. С. 129.

ных соображений, сколько опасаясь за себя и свое имущество либо ожидая для себя всяческих материальных благ и высоких чинов. Это подтверждают и слова патриарха Гермогена:

и велят целовать крест мертвому злодею и прелестнику ростриге, а сказывают его проклятого жива. И которое, города забыв Бога и крестное целование, *убоявся их грабежев и насилия всякого и осквернения жен и дев*, целовали крест... (курсив мой. — В. К.)³⁸.

38. АИ. Т. 2. №58. С. 132.

Василий Шуйский всеми силами старался подавить восстание. Изменников обвиняли в тяжелейшем преступлении против веры и церкви: к примеру, казанский митрополит Ефрем запрещал священникам принимать «приношения к церквам Божьим» у тех горожан, которые изменили Василию Шуйскому³⁹. Людей, отказавшихся от поддержки Болотникова и присягнувших Василию Шуйскому, щедро награждали. Таким образом, правительство Шуйского стремилось создать мотивацию для перехода на свою сторону.

39. Козляков В. Н. Ук. соч. С. 207.

Для обеспечения легитимности своей власти и создания преемственности престола от Бориса Годунова, минуя царя Дмитрия, Василий Шуйский хотя и допускал резкую критику Годунова в период политической борьбы, осенью 1606 г. перезахоронил останки царя Бориса, царицы Марии Григорьевны и царевича Федора Борисовича в Троице-Сергиевом монастыре. Василий Шуйский страстно желал, чтобы ему присягнула вся страна. Однако он понимал, что присяга самозванцу если не нивелировала, то значительно пошатнула институт крестоцелования. Для того чтобы вернуть прежнее священное значение клятвы, 5 февраля 1607 г. было послано посольство к патриарху Иову, которое было призвано убедить предстоятеля «простити и разрешити всех православных крестьян в их преступлении крестного целования и во многих клятвах»⁴⁰. 20 февраля 1607 г. москвичи были созваны к Успенскому собору и перед ними была зачитана «прощальная и разрешительная грамота». Из текста грамоты следует, что присяга Лжедмитрию

40. АИ. Т. 2. №67. С. 149.

обесценивает все значение крестоцеловальной клятвы, что это тяжкое преступление против веры: «и христианской веры мало памятуют, забыв Бога и православную веру и крестьянское свое целование преступив, с тем вором соединилися»⁴¹. Однако патриарх Гермоген и бывший патриарх Иов прощают всех христиан «и в тех и во всех прежних и нынешних клятвах и в преступлении крестного целования»⁴². Таким образом, Василий Шуйский как бы перечеркивает все события, связанные с правлением Дмитрия, и хочет представить себя прямым продолжателем дел Бориса Годунова и его сына Федора.

В это время Лжедмитрий II уже обосновался в Тушине и стремился расширить свой лагерь. Он хотел повысить доверие к себе и увеличить количество своих сторонников, поэтому важным ритуальным жестом была демонстрация воссоединения с Мариной Мнишек. «Узнавание» царевича Дмитрия женой, царицей Мариной Мнишек, которой присягала вся страна, стало важным аргументом в признании Лжедмитрия. В лагерь Лжедмитрия II в Тушино начали стекаться его сторонники. Уже в июле — августе 1608 г. начались переходы в стан Тушинского вора членов государева двора⁴³. Отъезжающие бояре подвергались большому риску, так как обычно у них конфисковали имущество и землю. Однако в Тушинском лагере они могли получить еще большие привилегии и более высокий чин, что часто оправдывало возможный риск.

Авраамий Палицын применительно к этой ситуации употребляет термин «перелеты». Он подробно описывает, как бояре сначала встречались за одним столом в Москве, а потом разъезжались — кто в царский дворец, а кто на службу к Тушинскому вору⁴⁴. Бояре постоянно меняли место службы, стремясь получить выгоду и от царя, и от самозванца. Крестоцеловальная клятва больше не несла сакрального смысла, а использовалась как инструмент для получения материальной выгоды. Можно выделить и еще одну причину подобного поведения:

41. АИ. Т. 2. №67. С. 153.

42. Там же. С. 161.

43. Козляков В. Н. Ук. соч. С. 245.

44. Сказание Авраамия Палицына // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссией. СПб., 1892. Т. 13. Ст. 506.

И разделишася на двое вси человецы, вси иже мысляще лукавне о себе: аще убо взята будет мати градов Москва, то тамо отцы наши и братия, и род, и друзи, тии нас соблюдут; аще ли мы соодолеем, то такожде им заступницы будем!⁴⁵.

45. Сказание Авраамия Палицына. Ст. 502.

Бояре стремились защитить свой род при любом развитии событий, а также при любом исходе борьбы они хотели быть уверены, что смогут избежать опалы.

Следующим важным аргументом для перехода к Лжедмитрию II стало пленение митрополита Филарета и объявление его тушинским патриархом. «И Литовские де люди ... с митрополита с Филарета сан сняли и поругались ему, посадя де на возок с женкою да в полки свезли»⁴⁶ — так описывается в городской грамоте устюжан к вычегодцам пленение Филарета. Несмотря на всяческие издевательства, Филарет остался в тушинском лагере, где его нарекли патриархом. Так как Филарет пользовался значительным авторитетом, то его присутствие в качестве патриарха в тушинском стане было важным аргументом в вопросе о присяге Лжедмитрию II и привлекало все больше и больше сторонников.

46. АИ. Т. 2. №88. С. 180.

Лжедмитрий II стремился максимально широко распространить свое влияние. В той же городской грамоте упоминается о присяге Тушинскому вору в городах⁴⁷. Можно сделать вывод о социальном расколе в городах, так как бояре частично сохраняли верность Василию Шуйскому, боясь его санкций, а простой люд присягнул Лжедмитрию II, надеясь избежать полного разорения города — участи, постигшей сопротивлявшиеся города. Переход на сторону самозванца часто был единственной возможностью сохранить город, так как войска Шуйского уже не могли предоставить никакой защиты. «К Тотьме с того наказу список и целовальную запись прислал же, и Тотмичи, сказывают, *от нужды со слезами крест целовали* (курсив мой. — В. К.)»⁴⁸ — многие города под угрозой разграбления и под давлением польско-литовских и казачьих войск переходили на сторону Тушинского вора.

47. Там же.

48. Там же.

Однако распространение власти Лжедмитрия на все большие территории имело за собой не столько идеологические, сколько экономические мотивы. Тушинскому вору постоянно нужны были средства на содержание своего лагеря и армии, поэтому присягнувшие города сразу облагались непомерными взысканиями и податями. Это не прибавляло Лжедмитрию II народной поддержки.

Вологжане против тех грамот ничего не сказали, а иные многие заплакали, а говорят тихонько друг с другом: хотя де мы ему и крест целовали, а токоб де в Троицы славимый милосердный Бог праведный свой гнев отвратил и дал бы победу и одоление на враги креста Христова Государю нашему Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси⁴⁹.

49. АИ. Т. 2. №88. С. 181.

Принуждение силой к присяге и непомерный податной гнет Лжедмитрия II заставляли горожан лучше относиться к Василию Шуйскому, так как они видели в нем их возможного избавителя от несчастий. Слухи об огромных требованиях и поборах Тушинского вора распространялись быстро:

которые де города ... хотя и *волею* (курсив мой – В. К.) крест поцелуют, и те де все города отдают паном в жалование, в вотчины <...> А в Ярославле де праят на Ярославцах по оминадцать рублей с сохи, а у торговых людей у всех товары всякие переписали, а переписав в полки отсылают⁵⁰

50. Там же.

— это еще одно подтверждение насильственного принуждения к присяге и поборов.

Зима 1608–1609 гг. стала для Василия Шуйского временем тяжелой борьбы с Тушинским вором и его сторонниками. Их грабежи были как раз на руку царю Василию. Если раньше он не знал, что предложить народу, недовольному его правлением, то теперь в окружных грамотах, рассылаемых им из Москвы, он выставлял погромы и поборы Лжедмитрия как борьбу против православной веры⁵¹. За верность себе Василий Шуйский обещает разнообразные награды и почести: «а мы вас, за вашу службу, пожалуем нашим великим жалованием,

51. АИ. Т. 2. №90. С. 183.

чего у вас и на разуме нет, и службу вашу учиним вовеки памятну»⁵². Патриарх Гермоген выступает с воззванием всему русскому народу. Он старается убедить народ перестать поддерживать Лжедмитрия II. Упоминает в речи патриарх и об аргументах противников Василия Шуйского. Они апеллируют к тому, что царь Василий был избран только Москвой, а другие города его не выбирали: «И мы им противу того говорили: до толе Москве ни Новгород, ни Казань, ни Астрахань, ни Псков, и ни которые городы не указывали, а указывала Москва всем городом»⁵³.

52. АИ. Т. 2. №90. С. 183.

Таким образом, Василия Шуйского преследуют те же проблемы, что и династию Годуновых. Его «выборность», которая тоже подвергается сомнению, не может соперничать с верой в «истинного» царя. Любые неудачи Василия Шуйского увеличивают число сторонников Лжедмитрия II.

53. АИ. Т. 2. №169. С. 290.

От боярского правления к выбору нового «истинного» царя

В 20-х числах июля Федор Мстиславский рассылает по городам окружные грамоты о низложении Василия Шуйского. Акцент в тексте грамот делается на добровольном отказе царя Василия Шуйского от правления после челобитья ему «всею землею»⁵⁴. Все враги государства представляются здесь как враги православной веры⁵⁵. Идея о защите православной веры должна была объединить народ.

54. СГГид. Ч. 2. №197. С. 389.

55. Там же.

Должен был быть собран Земский собор для выбора нового царя, а «до тех мест правити бояром, князю Федору Ивановичу Мстиславскому с товарищи»⁵⁶. Крестоцеловальная запись Федору Ивановичу Мстиславскому и другим боярам⁵⁷ очень ярко показывает изменения, произошедшие за период Смуты. Она представляет собой своеобразный договор бояр с народом. Люди просят бояр принять на себя управление страной, а за это обязуются

56. Там же.

57. Там же. С. 390.

во всем их слушати, и суд их всякой любити, что они кому за службу и за вину приговорят, и за Московское государство и за них стояти и с изменники битись до смерти⁵⁸.

58. СГГид. ч. 2. №197. С. 389.

Важным пунктом грамоты является обещание покончить с междоусобицами внутри страны. Разве можно было раньше представить в тексте крестоцеловальной записи обещания

меж себя, друг на другом и над недругом, никакого дурна не хотети и недружбы своей никому не мстити, и не убиват, и не грабити, и зла никому ни над кем не мыслите?⁵⁹

59. Там же.

Они демонстрируют, как плотно эти реалии всего за четыре года вошли в жизнь, став проблемами государственного уровня. В конце записи выносится приговор Василию Шуйскому. Ему отказано от престола, запрещено навсегда появляться на государевом дворе, однако присутствует и запрет самовольной расправы над ним: «и нам над государем, и над государынею, и над его братьями, убийства не учинити и никакова дурна»⁶⁰. Братьям Василия Шуйского князьям Дмитрию и Ивану Шуйским запрещалось «з бояры в приговоре ... сидети», то есть их навсегда исключали из Боярской думы.

60. Там же.

В этих двух документах явно обозначается новый порядок, сложившийся в Московском государстве. Народ становится полноценным субъектом отношений с государством, однако главной государственной задачей становится сохранение единства, прекращение гражданской войны и восстановления порядка в стране.

17 (27) августа 1610 г. на Хорошевских лугах под Москвой боярами была подписана договорная запись с гетманом Станиславом Жолкевским «о упрощении Польского Королевича Владислава Сигизмундовича ко принятию Российской короны»⁶¹. Главным вопросом становится переход королевича Владислава в православие. Русская сторона говорит об этом как о чем-то само собой разумеющемся. В договоре прописаны условия венчания Владислава на царство: оно должно проходить строго в соответствии с православными обычаями, как «прежние

61. СГГид. ч. 2. №199. С. 391–398.

Великие Государи Московские венчались»⁶², а это невозможно без обращения Владислава в православную веру. Королевича обязывали «не вводить» население страны ни в какую иную веру, кроме православия. Однако гетман Станислав Жолкевский не был уполномочен королем Сигизмундом III решать такие важные вопросы, поэтому сам факт крещения («Королевич пожаловати креститься в их православную Христианскую веру Греческого закону») указан в «недоговорных статьях», о которых нужно дополнительно договариваться, посылать еще одно посольство. Таким образом, возникли противоречия между Сигизмундом III, который был решительно против перехода своего сына в православие, и боярами, а также всеми «людьми московскими», которые могли присягнуть только православному государю.

Весь текст договора говорит о страстном желании людей вернуться к старым порядкам. Они возлагают надежды, что новый государь будет «прежних обычаев и чынов, которые были в Московском Государстве не переменять» и т.д. Жители Московского государства стремились в первую очередь восстановить существовавшие до Смуты условия службы: «всяких людей Российского Государства жаловати, смотря по службе и хто чего достоен»⁶³. Люди стремились избавиться от хаоса Смутного времени, когда из-за многочисленных политических интриг обычная служба своему государю стала невозможна. Новый государь должен был обязательно вести все дела, советуясь с боярами.

Таким образом, в этом договоре воплотилась идея об идеальном государе, который должен был восстановить порядок в стране. Ее включение в текст обусловлено сложной политической ситуацией, так как страна все еще находилась на грани социального раскола. Однако силы Тушинского вора были уже на исходе, и 27 августа 1610 г. самозванный царевич Дмитрий бежал. Появилась надежда на постепенный спад социального напряжения в стране.

62. СГГид. ч. 2. №199. С. 392.

63. Там же. С. 394.

По городам началась присяга нареченному царю Владиславу. Рассмотрим текст крестоцеловальных записей⁶⁴. В записи особо оговаривается, что патриарх Гермоген и вся церковь «Государя Владислава ... на Росийское государство хотят с радостью»⁶⁵. Крестоцеловальная запись по аналогии с присягой Федору Мстиславскому и другим боярам представляет собой своеобразный договор. Жители Московского государства обязуются зла ему не желать и «инога никого ... на Московское государство ... не хотети»⁶⁶. А королевич Владислав со своей стороны обязан «делати во всем по нашему [подданных] прошению и по договору послов Московского государства с Государем с Жигимонтом королем и по утвержденной записи гетмана Станислава Станиславовича Желковского»⁶⁷. При соблюдении этих условий Владислав будет достоин того, чтобы «ему государю и детям его во веки служитьи и добра хотети во всем, как и прежним прирожденным государем царем и великим князем всеа Руси»⁶⁸.

Текст грамоты о приведении к присяге Казани⁶⁹ был более подробным, чем текст, рассылавшийся по всей стране. В грамоте пересказывается история развития событий с момента «оставления» Василием Шуйским престола, подробно приводятся все положения договора с гетманом Станиславом Жолкевским. Акцентируется внимание на том, что все люди «всей земли» уже поцеловали крест королевичу Владиславу, поэтому казанским людям тоже предлагается последовать их примеру⁷⁰. В тексте записи присутствует не только запрет называть государем Тушинского вора, но и предписание Марину Мнишек «Государынею Московской не называти и смуты никоторыя вперед в Московском государстве не делати»⁷¹. Жену самозванца предписывается отвезти в Польшу.

Крестоцеловальная запись на русском языке приложена к казанской грамоте, а ее текст на татарском послан отдельно в Казань, для того чтобы раздать его «во все города Казанские». Этим должны заниматься уже местные служащие. Им предпи-

64. АИ. Т. 2. №164. С. 279–280; АИ. Т. 2. №165. С. 280–284.

65. АИ. Т. 2. №164. С. 280.

66. Там же.

67. Там же.

68. Там же.

69. АИ. Т. 2. №165. С. 280–284.

70. Там же. С. 282.

71. Там же. С. 284.

сывалось провести в Казани крестоцелование, а также привести татар к шерти, после чего послать донесение об этом в Москву в приказы Казанского и Мещерского дворца. Приведению татар к шерти мешали логистические сложности, в результате чего к присяге в казанских городах было приведено меньше людей, чем того хотели в Москве. В самой Казани, как и в Вятке, отказались целовать крест королевичу Владиславу и присягнули Лжедмитрию II.

Таким образом, жители Казани и Вятки, делая нелегкий выбор между самозванцем с его поборами и грабежами и польским королевичем, присягнули Лжедмитрию II. Надежды на принятие королевичем Владиславом православия и его воцарение в Москве сменились навязчивыми слухами о засилии литовцев и притеснении православной веры. Все эти обстоятельства не способствовали укреплению позиций семибоярщины, что и привело к формированию Первого ополчения.

31 января 1611 г. Нижний Новгород и Переславль-Рязанский заключили договор о совместных действиях. К движению быстро присоединились и другие города. Так начало формироваться Первое ополчение — уникальное движение, которое впервые должно было объединить людей социально и политически разных: «тушинцев» и «земцев», казаков, дворян и крестьян. Центром такого объединения стала Рязань.

Члены Первого ополчения рассылали грамоты по разным городам с призывами присоединиться к их движению. Эти грамоты назывались отписки и представляли собой переработанные крестоцеловальные грамоты. Главная цель, которая звучит в отписках разным городам, — это «Московскому государству помочь на Польских и на Литовских людей расправу учинити»⁷². Основной мотив — это, как и ранее, охранение православной веры:

докаместа ... крестьянския веры нечем не порушили, и докаместа многие люди не прелстилися и крестьянской веры не отступили, чтоб всем нам топерво за православную крестьянскую веру и за свои души стати заодин⁷³.

72. АИ. Т. 2. №176. С. 279.

73. Там же.

В условиях отсутствия единого царя, когда разные социальные группы поддерживают разных правителей, именно вера стала главным аргументом для объединения людей с разными политическими взглядами против власти иноверцев.

Именно Москва как столица православия должна была быть освобождена в первую очередь. В отписке Первого ополчения Москва представлена как корень, на котором держится все дерево православной веры: «Только коренью основание крепко, то и дерево неподвижно, только коренья не будет, к чему прилепиться?»⁷⁴. В Москве находятся главные святыни, которые нужно защищать, отмечается в документе⁷⁵. Подробно описывается, как народ пострадал от литовских и польских людей, а адресатов отписки предостерегают от снисхождения к полякам и поиска у них милости. Бояре, заключившие договор с Сигизмундом, называются предателями своей земли.

Главным мотивом крестоцеловальной записи⁷⁶, который постоянно в разных вариациях повторяется в тексте, звучит обещание верности, то есть не-измены, Московскому государству. В обещание верности входит обещание «королю Полскому и Литовскому креста не целовати и не служите»⁷⁷, никаких дел с польскими и литовскими людьми не иметь и «на православную христианскую веру лиха не мыслити». Таким образом, православие прямо ассоциируется с сохранением государственности. Главной целью ополчения и основным признаком верности государству становится обещание «и нам против их за Московское государство и за все Росийского царствия стояти и битися с ними неослабно, сколько милосердный Бог помочи подаст»⁷⁸. Принимая эту крестоцеловальную запись, члены Первого ополчения брали на себя обязательства положить жизнь за Московское государство и православие и верно служить богоизбранному царю⁷⁹.

Первое ополчение сумело объединить значительное количество городов. «Роспись, кто из которого города пошел воевод с ратными людьми»⁸⁰, приложенная к отписке из Ярос-

74. АИ. Т. 2. №176. С. 298.

75. Там же.

76. АИ. Т. 2. №179. С. 307–308.

77. Там же.

78. Там же.

79. Там же.

80. АИ. Т. 2. №188. С. 323.

лавля в Казань, дает представление о первоначальном составе Первого ополчения. Однако существовал конфликт между дворянами и казаками. 30 июня 1611 г. был принят основной программный документ «Приговора Первого ополчения». Прокофий Ляпунов, настоявший на включение в Приговор статьи об отмене казачьих приставов, тем самым открыто высказал претензию на превосходство дворян над казаками. 22 июля 1611 г. казаки учинили расправу над Прокофием Ляпуновым. Власть Первого ополчения постепенно ослаблялась, ей удалось продержаться до марта 1612 г. Под Москвой началась присяга новому самозванцу — Псковскому вору, а в Нижнем Новгороде формировалось новое объединительное движение.

Новгород тоже присоединился к Первому ополчению, расправившись с лояльным Сигизмунду III воеводой Иваном Салтыковым⁸¹. Новгородцы послали в помощь Первому ополчению «воевод со многими ратными людьми и с нарядом». Они, заручившись благословением митрополита Исидора, целовали крест в том, что будут стоять за православную веру⁸².

За Новгород постоянно велась идеологическая борьба между московским боярством и шведами. В документах, посылаемых в Новгород, кроме распространенной угрозы православной церкви в виде окатоличивания со стороны Польши, часто упоминается мотив испанской опасности. Например, Н. М. Карамзин пересказывает документ, привезенный в Новгород М. В. Скопиным-Шуйским в 1608 г. и адресованный шведскому королю Карлу IX: «...Ляхи воцарением Лжедмитрия хотят обратить силы России на Швецию для торжества Латинской Веры, будучи побуждаемы к тому Папою, Иезуитами и Королем Испанским»⁸³. Под давлением такого рода пропаганды новгородцы присоединились к Первому ополчению.

В Швеции уже давно были обеспокоены слухами о присяге царевичу Владиславу. Карл IX поставил ультиматум, что жители Московии могут выбрать любого царя — русского или иностранного, но не польского, тогда шведы окажут военную

81. АИ. Т. 2. №183. С. 313–314.

82. Там же.

83. Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. 12. С. 94–95.

помощь против поляков и отдадут Ладогу, в противном случае Швеция объявит войну⁸⁴. Аналогичное письмо он послал и игумену Соловецкого монастыря Антонию. Карлом IX был получен ответ⁸⁵, что русские хотят выбрать своего царя, а не приглашать иноземцев. Новгородский воевода Василий Бутурлин открыто заявляет, что Ополчение хочет мира со шведами. Начинаются переговоры о цене военной помощи⁸⁶. Делагарди получает от Карла IX приказ идти на Новгород и 16 июля входит в город. Новгород сдался, был заключен договор о призыве на русское царство сына Карла IX. В письме московских бояр Сигизмунду III подробно описывается этот эпизод⁸⁷. Сказано, что Карл IX, «слыша о разоренье Московского государства, скорбит и хочет на Московское государство дати сына своего». Отдельно выделяется обещание «крестить его ... в греческую веру на границе». Тем самым предполагается избежать повторения ситуации с королевичем Владиславом. Однако в этом послании шведский королевич всего лишь один из претендентов на престол. Упоминается, что Заруцкий с казаками «хотяху на Московское государство посадити Воренка Калужского, Маринкина сына».

Среди документов Новгородской приказной избы есть указания воеводам, как следует объяснять народу ту или иную меру правительства; они призваны идеологически обосновать действия семибоярщины. К примеру, в феврале 1612 г. к воеводе Григорию Никитичу Муравьеву было отправлено послание с одобрением его действий и указаниями по дальнейшему руководству:

ис Тесова не ходил, а корм собрав, отдал немецким ратным людям, а крестьяном бы говорил, чтоб они из домов своих не бегали, кормы б давали, и воровских и литовских людей не боялись, которые вору литовские были под Русою, и те побежали на Московскую дорогу, а за ними пошел королевского величества воевода Иверт Горн с немецкими ратными людьми, и по дворян бы, которые у тебя в списке написаны, посылал, а велел им быти с тобою на стан в Тесово⁸⁸.

84. *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 38.

85. АИ. Т. 2. №180. С. 308.

86. *Замятин Г. А.* Ук. соч. С. 47–48.

87. РИО. Т. 142. С. 274.

88. Грамота бояр и воевод в Тесово Григорию Никитичу Муравьеву о несъезжании из Тесова в Новгород, сборе кормов немецким людям и распространении сведения о победах немецких людей под Старой Русой. 1612. 14.02 // RA, NOA. Serie 2:73. F. 148.

В это же время составлен типовой наказ, разосланный по всей Новгородской земле к старостам, кормовым сборщикам и другим приказным людям⁸⁹. В одном из таких текстов князь И. Н. Большой Одоевский наставляет князя А. К. Шаховского:

и всяким людям говорили, чтоб оне немецким людем корм давали не скорбя, ведомо им дее, что неметцкие люди против врагов литовских людей за них стоят и головы свои кладут нещадно, толко б немецкие люди за них против литовских людей не стояли, и литовские б люди их и до сущих младенцев по своему злосердому умыслу побили и животы б их поимали⁹⁰.

Подобный же наказ был дан детям боярским, которые должны были собирать корма по Дубецкой и Бельской дорогам и держать их готовыми для будущих передвижений войска Эверта Горна. Окрестным крестьянам они должны были говорить, чтобы те не боялись, так как «немецкие люди ... идут противо недругов стояти за них и головы свои класти»⁹¹.

В этих и других подобных документах жители земель предстают беззащитными и бездейственными, как будто они не могут сами защитить себя и свои интересы. В этом им противопоставляются «немецкие люди», которые «за них и головы свои класти» (курсив мой. — В. К.). «За них» здесь может нести двойной смысл — не только защищая их, но и вместо них, выполняя их обязанность. Таким образом, шведы в данных грамотах представлены как безусловные защитники русских людей от «врагов литовских», они противопоставлены инертной массе русского населения.

В Нижнем Новгороде в октябре 1611 г. началось формирование Второго ополчения во главе с Кузьмой Мининым и Дмитрием Пожарским. В одной из первых грамот нижегородского ополчения, отправленной в Вологду⁹², описывается вторжение поляков в Москву⁹³ и крестоцелование Первому ополчению, по которому вся земля объединилась в борьбе за православную веру. Более всего авторы грамоты опасаются провозглашения царем сына Марины Мнишек⁹⁴. В грамоте перечисляется состав ополчения и говорится, что на помощь отправлено множество

89. Селин А. А. Новгородское общество начала XVII века. Смутное время на Северо-Западе Московского государства. Саарбрюкен, 2011. С. 422.

90. Грамота кн. И. Н. Большого Одоевского и дьяков С. Лутохина и А. Лысцова в Старую Руссу воеводе кн. А. К. Шаховскому о сборе кормов на немецких людей с кого только возможно. 1612. 14.02 // RA, NOA. Serie 2:73. F. 144.

91. Грамота новгородских бояр и воевод Акинфу Муравьеву, Василию Левшину и подьячему Михайлу Бобровскому ехать в Деревскую и Обонежскую пятину около Бельской дороги и собирать корма на немецких людей Эверта Горна, которые пойдут по этой дороге. 1612. 14.02 // RA, NOA. Serie 2:73. F. 145–147.

92. АИ. Т. 2. №201. С. 248–251.

93. Там же. С. 149.

94. Там же.

ратных людей из разных городов, именно поэтому Вологда должна помнить данное ей крестоцелование и отправить своих людей тоже. Позиция Ополчения относительно выбора царя состоит в том, что ни Марины Мнишек, ни сына ее они на царствие не хотят⁹⁵, а вместо этого они предлагают устроить «сход вместе» и всю землю выбрать нового царя. Из этого можно сделать вывод, что Второе ополчение существует как оппозиция Первому ополчению.

95. АИ. Т. 2. №201. С. 150.

Лидеры Первого ополчения, выбирая новую фигуру, вокруг которой можно объединиться, рассматривали и сына Марины Мнишек, однако остановили свой выбор на новом самозваном царевиче Дмитрие, появившемся во Пскове. В марте 1612 г. в полках под Москвой состоялась присяга Лжедмитрию III:

Иван Плещеев с товарищи ... , по злему воровскому казачью заводу, затеяли под Москвою в полках крестное целование, целовали крест вору, который во Пскове называется Царем Дмитрием, и боярина князя Дмитрея Тимофеевича Трубцкого и дворян и детей боярских и стрельцов и Московских жилецких людей привели ко кресту неволею, также привели ко кресту неволею, также целовали крест, по их воровскому заводу, бояся от них смертного убийства⁹⁶.

96. АИ. Т. 2. №202. С. 251–253.

Так описывает эти события архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий и келарь Авраамий в письме к лидерам Второго ополчения. Авторы послания обращают отдельное внимание на то, что люди приводились к присяге насильственно, тем самым стремясь лишить такую клятву легитимности.

В Ярославле руководителями Второго ополчения создается Совет всея земли, который начинает рассылать по стране грамоты «ото всей земли». Первая такая грамота отправлена 7 апреля 1612 г. в Сольвычегодск⁹⁷. В ней четко формулируются цели нового движения — православные люди должны объединиться против поляков и не допустить воцарения самозванца⁹⁸. В этой грамоте кратко описывается вся история Смутного времени, особое внимание уделяется Первому ополчению, лидеры которого обвиняются в нарушении собствен-

97. АИ. Т. 2. №203. С. 253–258.

98. Там же. С. 256.

ной крестоцеловальной клятвы. По мнению авторов грамоты, Прокофий Ляпунов, собирая ополчение в Рязани, желал всеми силами защитить православную веру. Однако «старые же заводчики великому злу, атаманы и казаки, которые служили в Тушине лжеименитому царю», убили Прокофия Ляпунова и начали творить грабеж и разорение. В описании истории Первого ополчения не упоминается о роли патриарха Гермогена и союзе с бывшими союзниками Тушинского вора, намеренно нивелируется роль казачества. Таким образом создается картина противопоставления «хорошего» Прокофия Ляпунова и «плохих» казаков во главе с Иваном Заруцким. Авторы грамоты обвиняют их чуть ли не во всех бедах, именуя их «старые же заводчики великому злу». Главное обвинение заключается в нарушении их собственной клятвы: «позабыв свое крестное целование, целовали крест вору Сидорку, имянуя его бывшим своим царем»⁹⁹. Именно это служит главной целью создания Второго ополчения — возвращение к идее защиты православной веры и отказ присягать самозванцам. Ярославское правительство начинает размышлять о кандидатуре нового царя. Это реализовалось в идее созыва Земского собора 1613 г.

21 февраля 1613 г. Земский собор принял историческое решение — избрать на царство Михаила Федоровича Романова. Крестоцелование Михаилу Романову начинается с 25 февраля 1613 г. Существует два варианта крестоцеловальной записи Михаилу Романову — краткая¹⁰⁰ и пространная¹⁰¹. Обе записи начинаются с обещания верной службы новому царю, его будущей жене и детям. В обеих записях ясно прослеживаются последствия Смуты — напряженная внешнеполитическая обстановка и атмосфера недоверия внутри страны. За обещанием верной службы следует список стран, в которые нельзя отъезжать. Пространно описано, что следует делать, если человек узнал о готовящейся измене¹⁰². Такое подробное описание алгоритма действий при встрече с попыткой измены говорит о том, что эта проблема очень волновала общество. Измена считалась одним из главных причин Смуты и хаоса в стране,

99. АИ. Т. 2. №203. С. 255–256.

100. СГГид. Ч. 3. №5. С. 14–15.

101. ДАИ. Т. 2. №1. С. 1–2.

102. Там же.

поэтому в крестоцеловальной записи, призванной обосновать крепкую государеву власть, подобный алгоритм служил средством стабилизации и успокоения общества.

Другим способом предостережения от измены является перечень лиц, с которыми запрещено иметь всякие контакты (а не просто переходить на службу) — Марина Мнишек и Иван Заруцкий¹⁰³. Продолжают этот список и другие изменники:

с изменником с Михаилом Салтыковым, и с князем Юрьем Трубецким с товарищи, и со всеми Московского государства изменники ... ни о каких делах не ссылаться, письмом и словом и никаким делом¹⁰⁴.

Следующий пункт демонстрирует внешнеполитическую напряженность — в нем запрещаются любые сношения с оккупированными шведами территориями¹⁰⁵. Остальные элементы записи вполне традиционны — о запрете колдовства и порчи, мыслей и злых дел против государя и его семьи, обещание до конца своих дней защищать страну.

В тексте крестоцеловальной записи Михаилу Романову тесно слились традиционные элементы клятвы правителю и новые положения, отражающих состояние страны после Смуты. Этот документ призван способствовать установлению порядка в стране. Присяга, по замыслу авторов этого текста, должна была пресекать возможные измены в будущем, тем самым способствуя легитимации новой власти.

Заключение

Анализ текстов присяги в Смутное время подтвердил, что данный институт во времена Смуты имел несколько функций. Народ, давая клятву верности государю, стремился вернуть стабильность и выражал тем самым надежду на сильную царскую власть. Главной целью правителей после Бориса Годунова было возвращение утраченной легитимности власти. Династия Рюриковичей прервалась, а власть Бориса Годунова

103. ДАИ. Т. 2. №1. С. 1–2.

104. Там же.

105. Там же.

держалась только на его личностных качествах, поэтому всем последующим правителям приходилось постоянно обосновывать свое право на царствование.

При рассмотрении присяги с точки зрения власти, можно, в первую очередь, выделить две взаимосвязанные функции. Во-первых, сам текст крестоцеловальной записи должен был обосновать притязания нового царя на престол. Федор Борисович апеллирует к авторитету своего отца, самозванные царевичи Дмитриии называют себя наследниками Ивана Грозного, Василий Шуйский «имитирует» ситуацию избрания его «всей землей» и т.д. Во-вторых, сам факт крестоцелования должен был защищать легитимность власти: в текст присяги в обязательном порядке были включены обещания верной службы царю.

Следующая важная функция присяги со стороны власти состоит в обещании воинской верности, готовности защищать царя, вести от его имени военные действия. В условиях Смутного времени, когда постоянно ведутся боевые действия, царю, а также претендентам приходится постоянно бороться за престол. Таким образом, присяга становится инвестицией в военную мощь. Величина и сила армии находится в прямой зависимости от количества присягнувших на верность царю, поэтому идеологическая борьба за влияние на тот или иной регион идет постоянно. Инструментом этой борьбы и стали крестоцеловальные записи, изученные в данной статье.

Стремление как можно скорее привести тот или иной регион к присяге было обусловлено не только идеологическими и военными, но и экономическими причинами. Принесший присягу регион сразу же рассматривался как средство пополнения казны, с него начинались взиматься всевозможные подати. Так, например, действовал Лжедмитрий II, стремясь распространить свое влияние на как можно большее число регионов, чтобы собирать средства на содержание Тушинского лагеря.

Какие же функции исполняла присяга с точки зрения народа? В Смутное время очень остро встал вопрос выживания, защиты себя, своей семьи, своего имущества, своего города,

поэтому, принося присягу, люди часто руководствовались не идеологическими, а более приземленными мотивами.

Во-первых, одна из основных функций правителя состояла в защите населения. Если армия действующего царя больше не могла защищать город, то в переходе на сторону самозванца виделся единственный шанс на спасение. К примеру, многие города присягали Лжедмитрию II только потому, что армия Василия Шуйского не могла защитить их, и город оказывался под угрозой разграбления войском самозванца.

Во-вторых, немаловажную роль играли экономические мотивы. Каждый претендент на престол обещал при переходе к нему на службу пожалование высокими чинами, поместьями, деньгами. В условиях нестабильности Смуты надежда на постоянный доход часто пересиливала страх наказания со стороны покинутого правителя.

В-третьих, через несколько лет после начала Смутного времени и чехарды правителей люди начали подстраиваться под «правила игры». Они начинают, планируя свою жизнь, принимать в расчет возможную скорую смену правителя и пытаются извлечь из этого максимальную выгоду. Во многом с этим явлением связаны «перелеты», постоянная миграция бояр между Москвой и Тушинским лагерем. Члены одного рода пытались занять максимально высокое положение и в стане Лжедмитрия II, и в Москве, чтобы при любом исходе событий род не пострадал и получил какую-то выгоду.

В-четвертых, простое население не всегда выступало самостоятельным актором крестоцелования, встречается множество упоминаний о приведении к присяге силой. Этот сюжет нуждается в дальнейшем, более подробном исследовании.

В-пятых, люди в Смутное время часто оказывались перед необходимостью выбирать «из двух зол». К примеру, для защиты города, который более не могут защитить войска Василия Шуйского, жители переходят на сторону Лжедмитрия II, однако потом, познав тяжесть поборов и погромов, переходят

обратно. В каждом конкретном случае приходилось выбирать, как выйти из ситуации с наименьшими потерями.

В конце концов, нельзя полностью сбрасывать со счетов идеологические причины. Например, наречение Филарета тушинским патриархом сильно повлияло на увеличение числа сторонников Тушинского вора.

В акте крестоцелования сталкиваются интересы двух сторон: власть хочет доказать свою легитимность, приобрести как можно больше сторонников и желает предотвратить их измену, то есть переход на сторону конкурента; народ же пытается защитить себя и свое имущество, при этом стараясь получить материальную выгоду. Таким образом, в Смуту во время разрушения устоявшихся институтов присяга во многом стано-

вится не только актом подтверждения подданства,
но и источником власти.

СПИСОК НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Грамота бояр и воевод в Тесово Григорию Никитичу Муравьеву о несъезжании из Тесова в Новгород, сборе кормов немецким людям и распространении сведения о победах немецких людей под Старой Русой. 1612. 14.02 // Riksarkivet, Stockholm. Ockupationsarkivet från Novgorod. Serie 2:73. F. 148.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Санкт-Петербург: Типография Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1841. Т. 2.
2. Белокуров С. А. Разрядные записи за смутное время (7113–7121 гг.). Москва: Типография Штаба Московского военного Округа, 1907.
3. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. Т. 2.

4. *Полов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Москва: Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1869.
5. Сборник Императорского русского исторического общества. Санкт-Петербург, 1913. Т. 142 : Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными.
6. Сказание Авраамия Палицина // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссией. Санкт-Петербург: Печатня В. И. Головина, 1892. Т. 13. Ст. 473–524.
7. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Часть вторая, служащая дополнением к первой. Москва: Типография Н. С. Всеволожского, 1819.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антонов Д. И.* Смута в культуре средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2009.
2. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Санкт-Петербург: Издательство Евгения Евдокимова, 1892. Т. 12.
3. *Козляков В. Н.* Смута в России. XVII век. Москва: Омега, 2007.
4. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. №3. С. 122–139.
5. *Савченко Д. А.* «Государю хотети добра во всем»: присяга подданных московскому царю (начало XVII в.) // *Актуальные проблемы российского права*. 2013. №8. С. 940–946.
6. *Селин А. А.* Новгородское общество начала XVII века. Смутное время на Северо-Западе Московского государства. Саарбрюкен: Ламберт Академик Пресс, 2011.
7. *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета, 1985.
8. *Тельберг Г. Г.* Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. Москва: Типография Императорского Московского университета, 1912.
9. *Ульяновский В. И.* Смутное время. Москва: Европа, 2006.